

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ АВТОНОМИЙ

Мидхат ФАРУКШИН

Айгуль ЗАРИПОВА

Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: В статье рассматриваются подходы и методика сравнительного исследования территориальных этнических автономий, входящих в состав как федеративных, так и унитарных государств. Обосновывается положение о двойственной роли, которую могут сыграть эти автономии. Анализ автономных сообществ с целью последующей оценки положительных и негативных практик представляется возможным только на основе сравнения. Показаны общие черты и особенности автономий в зависимости от формы государственного устройства. Раскрыто влияние этнического фактора на институты автономии и государства в целом. Уделено внимание методике сравнительного анализа этнических автономий, включая определение основных параметров изучения распределения власти между автономией и государством, выделение индикаторов, раскрывающих указанные параметры. Раскрываются возможности обработки полученных данных по каждой группе индикаторов с помощью количественных и качественных методов исследования.

Ключевые слова: территориальная этническая автономия, сравнительный метод, кейс-стади, параметры сравнения, индикаторы, индексный анализ, ранжирование

Среди государств с различным устройством заметное место занимают государства, в состав которых входят территориальные этнические автономии (ТЭА). По общему мнению, территориальная автономия – не новое явление. Оно известно более двух столетий, но распространение получило

Фарукшин Мидхат Хабибович – доктор философских наук, профессор, профессор-консультант кафедры политологии Отделения социально-политических наук Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального университета

ORCID: 0000-0003-0004-4559. E-mail: Midkhat.Farukshin@kpfu.ru
420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35, Учебное здание №14 (Корпус №2).

Зарипова Айгуль Раисовна – кандидат политических наук, доцент Кафедры политологии Отделения социально-политических наук Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) Федерального университета

ORCID: 0000-0002-5810-5986. E-mail: AjgulRaisZaripova@kpfu.ru
420111, Казань, ул. Кремлевская, д. 35, Учебное здание №14 (Корпус №2).

Поступила в редакцию: 18.05.2021

Принята к публикации: 08.06.2023

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

в XX в., особенно после окончания Холодной войны. Притязания на автономию со стороны этнических групп, как правило, связываются с возрастанием требований права на политическое самоопределение.

Этнические автономии как объект сравнительного изучения

Территориальные этнические автономии представляют собой широко распространенное в мировой практике явление. Трудно не согласиться с констатацией, что «автономия больше не отклонение. Действуя на пересечении международного и конституционного права, она теперь широко распространена. Сегодня было бы трудно изучать конституционную и политическую системы большинства государств без обращения к автономии» (Ghai, 2013: 7).

На принципе автономности составных частей построена любая федерация, если она действительно является федерацией. Автономную природу имеют субъекты федерации, в том числе и те, которые образованы на основе этно-территориального принципа. Однако, этническая автономия, как показывает международный опыт, возможна и в условиях унитарного государства. По сведениям, содержащимся в *Regional Ethnic Autonomies Database*, в мире в разное время насчитывалось 103 таких автономии, а по оценке двух зарубежных экспертов, в мире существуют 64 успешные автономии в 17 государствах (Anderson & Costa, 2016: 537–540), при этом в некоторых из них функционирует по одной этнической автономии, в других – две или несколько. Более того, по некоторым источникам, в начале XXI в. в мире было более 120 территориально сконцентрированных этнических групп, которые стремились к большей степени независимости от своего государства, начиная с требований культурной и территориальной автономии и заканчивая угрозой сепаратизма, ведущей либо к независимой государственности, либо к объединению с другим государством (Wolff, 2011: 26–27). Не все эти группы добились территориальной автономии.

Объективно оценивая роль территориальных этнических автономий, нужно признать ее неоднозначность. С одной стороны, ТЭА могут стать инструментом выражения специфических интересов этнической группы, добившейся автономии, особенно в области сохранения национальной культуры, языка, этнической идентичности и противодействия ассимиляции. Это путь сотрудничества центральной и автономной властей, исключающий противопоставление узко этнических интересов общегосударственным. Как указывают некоторые авторы со ссылкой на другие работы, «в ряде исследований утверждается, что институты территориальной автономии служат в качестве эффективных средств поддержания мира внутри этнически разделенных государств» (Shaykhutdinov, 2010: 179). С другой стороны, существует риск противопоставления партикулярных интересов (местничества) общегосударственной воле, что создает угрозу сепаратизма во имя узкокорыстных интересов этнической элиты автономии. Это путь дестабилизации и разрушения целостности государства со всеми негативными последствиями для общества.

По какому пути пойдет та или иная автономия зависит от институциональной и контекстной среды, в которой она функционирует. Реальная возможность развития событий по одному и другому сценарию ставит научную и практико-политическую проблему разработки путей и способов стимулирования позитивных функций ТЭА и исключения тенденции к напряженности отношений между центральной властью и автономией.

Полноценное исследование территориальных этнических автономий и выявление их практико-политического содержания и направленности невозможно без использования сравнительного метода. Территориально-этнические автономии обладают как общими, так и специфическими чертами. Выявление их и сопоставление с целью последующей оценки положительных и негативных практик представляется возможным только на основе сравнения. Использование сравнительного подхода к изучению этнических автономий актуально в связи с отсутствием в отечественной политологии специальных сравнительных исследований ТЭА. В зарубежной политической науке такие исследования есть, но охватывают по несколько автономий, как правило, две-три, и отражаются они скорее на уровне научных статей. Не случайно отмечается, что «есть творческие сравнительные исследования федерализма, но мало об автономии (хотя есть сборники статей по отдельным странам)» (Ghai, 2013: 2).

При сравнительном исследовании территориальных этнических автономий следует учитывать, что они могут функционировать в составе как федеративных, так и унитарных государств. Между федерациями, имеющими в своем составе территориальные этнические автономии, и унитарными государствами с такими автономиями есть немало общего. И в том, и в другом случае имеет место разделение властных полномочий между центральной властью государства и властями автономии. Схожие черты приобретают взаимоотношения властей двух уровней и их институциональное воплощение. Полномочия автономии по своей природе являются исключительными, а не делегированными. Как в федеративном, так и унитарном государствах автономия вправе защищать свои интересы с использованием узаконенных судебных и политических процедур. Автономия при любой форме государственного устройства обладает (или должна обладать) самостоятельностью от центральной власти. Статус автономии в обоих случаях закреплен, как правило, на конституционно-правовом уровне.

Однако у автономий в федеративных и унитарных государствах стоит выделить ряд отличных черт. Во-первых, могут существенно различаться причины образования автономии и в первом, и втором случаях. Федерации как системы автономных образований создаются по причине огромной территориальной протяженности, затрудняющей управление из единого центра, по причинам экономической целесообразности и обеспечения безопасности от военных угроз. В унитарных государствах автономии возникают чаще всего как средство удовлетворения потребностей этнических групп в самоуправлении и поддержки развития своей культуры, языка, сохранения собственной идентичности, с одной стороны, и предотвращения угрозы распада

государства – с другой. Иначе говоря, в федерации формирование ее субъектов происходит значительно реже на этнической основе, в то время как в унитарных государствах автономии часто создаются на базе этнического принципа. Создание федераций с их автономными образованиями под воздействием внешнего фактора – крайне редкий случай, создание автономий в унитарных государствах под влиянием внешнего фактора происходит чаще, о чем свидетельствует формирование автономий в Южном Тироле, на Аландских островах и особенно явно создание Боснии и Герцеговины.

Во-вторых, в федерации любые изменения в круге полномочий одних ее субъектов требуют внесения таких изменений в полномочиях других субъектов федерации в силу действия универсального принципа равноправия составных частей федеративного государства, хотя отдельные из них рассчитывают в силу большой специфики на большую степень самоуправления. Иная ситуация в унитарном государстве: здесь изменения в статусе автономии по согласованию властей обоих уровней не требуют изменений в статусе других регионов. Любое приращение полномочий автономии становится объективным фактом, свидетельствующим об усилении асимметрии в государстве, которая в то же время не обязательно подрывает его стабильность и целостность.

Иногда трудно разграничить унитарное государство с автономиями от федерации, особенно когда его официальные власти отказываются признать федеративный характер государства. Так, «история пост-франкистской Испании показывает трудности в отличии федерации от автономии: то, что начиналось как разнообразие автономии, быстро приняло форму федерации, поэтому можно сказать, что Испания имеет форму автономии, но видимость федерации» (Ghai, 2013: 16).

При сравнении этнических автономий следует учитывать влияние этнического фактора на их особенности, характер взаимоотношений властей автономии с центральной властью государства, а также институты автономии и государства в целом. Одним из факторов такого влияния является этнический состав автономии. И здесь нужно выделить три разных случая.

Первый вариант, когда титульная в автономии этническая группа является доминантной, т. е. составляет абсолютное или относительное большинство в населении автономии. Второй, когда сама автономия является биэтнической, где основные этнические группы сосуществуют на принципе равноправия и паритета. Третьим является случай биэтнического государства, где обе основные этнические группы консолидировались как отдельные автономные образования.

При этом важно учесть еще ряд обстоятельств. Влияние этнического фактора на статус автономии и, в частности, на разделение власти между государством и автономией нужно рассматривать на региональном (автономном) и общенациональном уровнях. Хотя этнический фактор оказывает влияние и на общую ситуацию в автономном образовании и, возможно, в государстве в целом, особый интерес представляет отражение этнического факто-

ра именно на институциональной структуре автономии и государства. В этой связи представляется необходимым обратить внимание в первую очередь на две проблемы: первая – это влияние этнического фактора на распределение власти, а именно, на состав государственных и муниципальных органов власти; вторая проблема – влияние этнического фактора на полномочия основных этнических групп, в частности, возможность этнической группы повлиять на принятие или непринятие политического решения. Как, например, в ситуации с институтом «тревожного звонка» в Бельгии или с положением о «жизненно важных интересах» в практике Боснии и Герцеговины. Причем обе названные проблемы взаимосвязаны, переплетены.

Методологические вопросы сравнительного исследования ТЭА

Применение сравнительного метода к исследованию территориальных этнических автономий с получением соответствующих результатов предполагает предварительное проведение некоторых операций. В первую очередь – это определение параметров исследования, под которыми мы понимаем институциональную структуру в избранных сферах функционирования автономий, причем избранных с учетом их значимости.

Следующим шагом является разработка индикаторов сравнения в выделяемых сферах. По нашему мнению, к таким сферам нужно отнести полномочия в области законодательства, межбюджетных отношений, языковой политики, международных связей. Немаловажным аспектом работы является и сравнение форм сотрудничества между центральной и автономной властями, а также форм влияния этнического фактора на институты автономии.

В сфере законодательства считаем целесообразным выделить следующие индикаторы (показатели): (1) обладает ли автономия в лице своих органов правом законодательной инициативы (правом внесения законопроектов в парламент государства); (2) признаются ли законодательные полномочия автономии в Конституции государства; (3) имеет ли общенациональный парламент право отменять законы, принятые законодательным органом автономии; (4) обладает ли общенациональный парламент правом контролировать законодательный процесс в автономии (в какой форме); (5) объем законодательных полномочий автономии (количество сфер, регулируемых законами автономии); (6) имеют ли органы государственной власти автономии право оспаривать в судебном порядке законодательные акты государства; (7) существует ли законодательное закрепление принципа приоритета общегосударственных законов перед законами автономии.

Пожалуй, одним из главных вопросов, всегда возникающих в процессе деволюции предметов ведения и полномочий от центра к властям автономии и практически неизменно создающих напряженность в отношениях властей двух уровней, является распределение бюджетно-налоговых полномочий. Это объясняется ограниченностью финансовых ресурсов даже в экономически сильных государствах, не говоря о слабых. В пользу значимости названных полномочий говорит тот факт, что некоторые специалисты выделяют только

два основных критерия возникновения автономии и ее институционального оформления: существование правового документа – конституции, соглашения или статута, которым признается создание территориальной автономии, и властное полномочие правительства вновь созданного территориального образования собирать налоги и вести расходы (Shaykhutdinov, 2010: 179–180).

При анализе полномочий в сфере межбюджетных отношений между центральной властью и автономией следует опираться на следующие индикаторы: (1) прописано ли распределение налогов в Конституциях государства и автономии; (2) имеет ли автономия свой бюджет; (3) каков сложившийся тип налоговых отношений: а) государство и автономия имеют отдельные, независимые и не пересекающиеся источники налоговых поступлений, б) налоги распределяются пропорционально (в каких пропорциях) по уровням бюджетной системы (бюджет государства, бюджет автономии, бюджет муниципалитетов), в) смешанная система: автономия имеет некоторые свои источники налогов плюс свою часть пропорционально распределяемых налогов; (г) собирает ли государство все налоги, а затем распределяет налоговые доходы по регионам, включая автономию (по какому принципу: произвольно или в соответствии с законодательно установленным принципом); (4) направляется ли собранная на территории автономии часть налоговых поступлений в общегосударственный бюджет или государство оставляет в распоряжении властей автономии все налоговые доходы либо их часть; (5) предусмотрены ли трансферы, дотации автономиям из общегосударственных финансовых ресурсов; (6) имеют ли автономии право самостоятельно делать заимствования на международных рынках (осуществляется ли в этом случае контроль со стороны государства)? При утвердительном ответе на последний вопрос стоит обратить внимание на формы такого контроля.

При разграничении предметов ведения и полномочий между государством и входящей в его состав территориальной этнической автономии важное место занимают компетенции по вопросам языка. Объясняется это тем, что язык остается главным маркером этнической идентичности, основой всей национальной культуры, свидетельством жизнеспособности этнической общности и гарантией против ее исчезновения. Особенно сильно проблема языка затрагивает интересы титульной в автономии группы, которая в рамках всего государства остается меньшинством.

В некоторых автономиях, таких как Квебек или Каталония, язык остается вопросом продолжающейся напряженности в отношениях между носителями мажоритарного и миноритарных языков, а главное – между властью автономии и центральной в государстве властью. Даже в Швейцарии лингвистическое разнообразие, выражающееся в наличии в каждом кантоне большинства той или иной лингвистической общности, создает определенные проблемы. О значимости языка в политической жизни общества свидетельствует также то, что, например, в индийском федерализме автономия основывается прежде всего на языке, хотя лингвистические общности имеют много других пересекающихся идентичностей (Woodman & Ghai, 2013: 477).

В полиэтнических государствах, как свидетельствует международная практика, отношения в сфере языка и языковой политики могут складываться по-разному. Если центральная в государстве власть оставляет регулирование языковых процессов в автономии целиком в ее компетенции, доминирующая в автономии этническая группа не испытывает никаких проблем в сохранении родного языка (пример Аландских островов в Финляндии).

Но в многонациональных государствах часто имеет место противоречие между, с одной стороны, всесторонней поддержкой государством языка большинства, распространением его во всех сферах жизни общества, с другой – снижением, часто по объективным причинам, инструментальной роли языков этнических меньшинств с тенденцией постепенного угасания.

Очевидно, в целом права Ульрика Шмидт, которая, по сути отражая это противоречие, пишет, что, «учитывая благоприятные условия (через доступ к образованию) и стимулы (источник дохода, престиж), этнические группы в пределах современного государства-нации обычно движутся в сторону языка большинства, в то время как культурная автономия, децентрализация и региональный национализм (как в Каталонии) вероятнее всего содействуют сохранению языка» (Schmidt, 2008: 12–13).

Иная ситуация складывается в биэтнических государствах. При обычном равноправии двух основных этнических групп создаются одинаковые условия для сохранения и развития их языков, а возможные трения устраняются, в первую очередь, путем переговоров либо других политических мер, а в необходимых случаях – и путем использования судебных процедур.

При распределении полномочий в сфере регулирования языковых процессов как для самой автономии, так и для государства в целом особенно важными являются такие индикаторы, как: (1) объявлен ли официальным (государственным) язык доминантной в автономии этнической общности; (2) действуют ли на территории автономии одновременно доминантный в государстве язык и язык доминантной (титულიной) в автономии этнической общности; (3) используются ли в системе образования оба языка; (4) является ли изучение доминантного в автономии языка обязательным во всех учебных заведениях автономии независимо от национальной принадлежности учащихся; (5) является ли обязательным изучение в учебных заведениях автономии доминантного в стране, общегосударственного, официального языка всеми учащимися; (6) осуществляется ли в учебных заведениях автономии обучение на доминантном языке автономии, а также на других родных языках (до какого уровня – на всех уровнях от дошкольного образования до высших учебных заведений, до уровня средней школы, неполного среднего образования, среднего профессионального образования); (7) разграничены ли полномочия центра и автономии в языковой сфере в конституции государства и в конституции (статуте) автономного образования или других законах; (8) используется в работе государственных и муниципальных органах власти, в документообороте, во взаимоотношениях граждан с органами власти язык титульной в автономии этнической группы или язык доминантной в государстве

стве этнической общности, или оба языка. Анализ этих показателей даст довольно полное представление о языковой ситуации, существующих в данной области проблемах в автономии и государстве в целом.

Конечно, языковая ситуация будет разной в зависимости от этнического состава населения. В многонациональном государстве, как Российская Федерация, где по всем объективным показателям доминантным является русский язык, в республиках, по сути политических автономиях, в работе государственных и муниципальных органов власти, в документообороте используются оба языка – общенациональный государственный язык и государственный язык соответствующей республики. В биэтнической провинции Южный Тироль проживают две основные этнические группы – немцы, которые составляют 69,4% населения, и итальянцы, доля которых в населении автономии равна 26,06%. Относительно небольшую группу представляют ладины (4,53%). Соответственно, в провинции используются два основных и наиболее распространенных языка – немецкий и итальянский, а также ладинский язык.

Языковая ситуация и языковая политика основываются на принципе равноправия языков независимо от численности их носителей. Немецкий и итальянский языки используются в публичной жизни и во всех других сферах; ладинский язык используется в основном в местностях, где преимущественно проживают ладины.

Предметы ведения и полномочия территориальных этнических автономий включают в себя решение вопросов не только внутренней, но и внешней политики. С точки зрения существующей международной практики представляется неточным утверждение, будто «*территориальная автономия*» означает наделение публично-территориальной единицы в составе государства некоторой степенью самоуправления в решении определенных внутренних вопросов» (Мочалов, 2017: 160). Тем самым из сферы деятельности властей территориальной автономии как бы исключаются международные связи. Международные отношения представляют собой особую область, участие в которой автономных образований нередко вызывает споры и противоречия.

В сфере международных связей могут быть следующие индикаторы полномочий этнических автономий: (1) предусматривается ли в Конституции государства и Конституции (Статуте, Уставе) автономии ее право на международные связи (внешнеэкономические и международные гуманитарные); (2) может ли автономное образование самостоятельно заключать договоры с иностранными партнерами (какого уровня – с государствами, с регионами иностранных государств или только с неправительственными организациями); (3) осуществляет ли государство контроль за международными связями автономии (в какой форме – дает разрешение, требует согласования до вступления автономии в контакты с зарубежным партнером, утверждает заключенные властями автономии соглашения и т. д.); (4) предусмотрено ли совместное участие представителей государства и автономии в международных связях (предварительные консультации до заключения договоров, затрагивающих компетенцию автономий; совместные делегации на меж-

дународных переговорах и т. п.); (5) имеет ли автономия свои представительства за рубежом, а также свои представительства при международных организациях.

Одним из условий стабильности государства с территориальными этническими автономиями и успешного функционирования последних является степень сотрудничества центральной государственной власти с властями автономии. Индикаторы такого сотрудничества или отсутствия его могут быть следующие: (1) предусмотрены ли связи властей двух уровней институционально или это связи *ad hoc*; (2) каковы формы сотрудничества (периодические встречи руководителей разного уровня центральных и автономных органов власти; создание совместных комиссий, комитетов; включение представителей автономии в центральные органы государственной власти).

Специфической для этнических автономий является проблема влияния этнического фактора на институты автономии и государства. Возможны следующие индикаторы такого влияния: (1) представлена ли титульная в автономии этническая общность в центральных органах государства на групповой основе; (2) распределяются ли в автономии и государстве государственные должности в зависимости от национальной принадлежности претендента; (3) имеет ли титульная в автономии этническая группа свою фракцию в общенациональном парламенте; (4) действуют ли в автономии, а также в государстве этнические партии.

Определение индикаторов в столь разных областях требует досконального изучения автономий, взятых за единицу сравнения. В свою очередь это требует опоры на солидную эмпирическую базу. В отечественной науке такую базу предоставляет фундаментальный труд пермских политологов, реализовавших проект «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств», благодаря которому удалось исследовать «процесс создания и функционирования этнических региональных автономий (ЭРА)» (Балансируя притязания..., 2017: 6). Этими учеными создана уникальная база данных об этнических региональных автономиях, которая включает список этнических региональных автономий (103 случая). В базе представлено примерно 150 переменных, сгруппированных в шесть частей. «Созданная база данных, по мнению руководителя проекта, обладает значительным потенциалом для проведения широкомасштабных количественных сравнительных исследований современных ЭРА» (Панов, 2016: 66).

Конечно, эта база требует дополнения и уточнения другими источниками информации. В качестве источников исследования следует также использовать: а) Конституции и другие законодательные акты, а также статистические данные автономных образований и государств, в составе которых находятся этнические автономии; б) другие базы данных, относящихся к территориальным этническим автономиям – *Regional Autonomy Index, World Development Indicators, The Territorial Management of Ethnic Conflicts, Ethnic Power Regulations, UCDP/Prio Armed Conflicts Datasets: Minorities at Risk, Ethnic*

Regional Autonomies Databases (ERAD), Authority Trends и другие; в) посвященная проблемам территориальной этнической автономии отечественная и зарубежная научная политологическая и социологическая литература; г) имеющиеся данные социологических опросов.

Следующим этапом методической работы по исследованию территориальных этнических автономий является обработка полученных данных по каждой группе индексов на основе комбинации количественных и качественных методов исследования. В числе методов, позволяющих создать полное представление о каждой отдельно взятой автономии, стоит упомянуть метод кейс-стади, который нацелен на исследование всех взаимосвязей и взаимозависимостей, характеризующих особенности разделения власти между государством и этническими автономиями. Методика позволяет на основе описания специфики отношений между центральной властью и этнической автономией, раскрытия глубинных процессов выделить сущностные характеристики каждого отдельного исследуемого случая. Применение кейс-стади представляется необходимым в связи с имплицитной возможностью данного метода акцентировать внимание на таких отношениях центральной власти и автономий, которые могут быть упущены из виду при использовании иных методов. Полученные в ходе реализации метода кейс-стади данные по каждому случаю можно использовать для проведения сравнительного анализа.

Среди количественных методов внимания заслуживают корреляционный и регрессионный анализы. В контексте исследования территориально-этнических автономий количественные методы позволят ответить на вопрос о влиянии социально-экономических условий на объем политических полномочий территориально-этнических автономий, а также характер взаимоотношений между центральной властью и автономией. Данные методы позволяют оценить статистическую взаимосвязь между уровнем социо-экономического развития автономии и ее объемом приобретенных полномочий, если таковая имеется.

Еще одним инструментом для оценки полномочий территориально-этнических автономий является индексный анализ, который позволит соотнести непосредственно несоизмеримые данные из результатов кейс-стади и сравнительного исследования с последующим формальным ранжированием различных автономий. Числовое обозначение уровня автономии позволит замерить реальные политические возможности региона и его властный потенциал в отношениях с центром. Результатом замеров станет Индекс вертикальной деволюции в территориально-этнических автономиях, который позволит отобразить автономии исходя из их политического потенциала. Для этого целесообразно планировать кодирование каждого индикатора, когда группы полномочий ранжируются по их значимости для статуса автономии. Исходя из этого, каждая группа полномочий получит свой коэффициент значимости. Далее внутри каждой группы оценка каждого индикатора будет производиться по бинарной системе (от 0 до 1). Числовое значение полномочий суммируется для получения индекса по соответствующей группе. Создание данного

индекса позволит сформировать представление о реальном политическом потенциале автономий и их роли в отношениях с центральной властью. Кроме того, индекс предоставит возможность наглядной оценки значения различных групп полномочий в формировании потенциала этнической автономии.

По итогам индексного анализа и ранжирования этнических автономий по их политическому потенциалу будет произведено распределение единиц исследования по группам исходя из перечня полномочий автономии, сложившегося характера отношений между центральной властью и автономией; преобладания формальных или неформальных практик в отношениях автономии и центральной власти. Итогом такого деления автономий станет создание типов \моделей распределения власти в этнических автономиях.

Описывая подходы и методикку сравнительного исследования территориальных этнических автономий, мы вовсе не претендуем на непогрешимость. Процедура использования сравнительного метода при изучении многообразного мира автономий может и должна совершенствоваться.

Список литературы

1. Anderson L., Costa C. (2016) Survival of the Fittest: Explaining the Success of Ethnic Autonomy Arrangements. *Swiss Political Science Review* 22(4): 516–544.
2. Ghai Y. (2013) Introduction: Nature and origins of autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 1–31.
3. Schmidt U. (2008) *Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities*. ECMI Issue Brief, 18. 15 p.
4. Shaykhutdinov R. (2010) Give Peace a Chance: Nonviolent Protest and the Creation of Territorial Autonomy Arrangements. *Journal of Peace Research* 47(2): 179–191.
5. Wolff St. (2011) Managing Ethnic Conflict: The Merits and Perils of Territorial Accommodation. *Political Studies Review* 9(1): 26–41.
6. Woodman S., Ghai Y. (2013) Comparative Perspectives on institutional Frameworks for Autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 449 – 486.
7. *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств* (2017). Под ред. П.В. Панова. М.: Политическая энциклопедия, 213 с.
8. Мочалов А.Н. (2017) Территориальное устройство государства как способ управления этническим многообразием (конституционно-правовое регулирование в странах БРИКС). *Право. Журнал Высшей школы экономики* 3: 154–173.
9. Панов П.В. (2016) Мир этнических региональных автономий: представление новой базы данных. *Вестник Пермского университета. Политология* 4: 66–93.

COMPARATIVE STUDY OF TERRITORIAL ETHNIC AUTONOMIES

Dr Midkhat Kh. FARUKSHIN – Professor, Department of Political Science, Kazan Federal University.

ORCID: 0000-0003-0004-4559. E-mail: Midkhat.Farukshin@kpfu.ru
35 Kremlevskaya Street, Bld. 14/2, Kazan, Russia.

Dr Aigul R. ZARIPOVA – Associate Professor, Department of Political Science, Kazan Federal University.

ORCID: 0000-0002-5810-5986. E-mail: AigulRaisZaripova@kpfu.ru
35 Kremlevskaya Street, Bld. 14/2, Kazan, Russia.

Received May 18, 2021

Accepted June 8, 2023

Abstract: The article discusses the approaches and methods of territorial ethnic autonomies comparative research that are part of both federal and unitary states. The statement on the dual role that these autonomies play is substantiated. The analysis of autonomous communities to assess positive and negative practices is possible only on the basis of comparison. The general features of autonomies are shown depending on the form of government. The influence of the ethnic factor on the autonomy and state institutions is revealed. The research focused on comparative analysis of ethnic autonomies, including the definition of the main comparison options for studying the distribution of power between the autonomy and the state, the selection of indicators that reveal them. The article reveals the possibilities of processing the obtained data for each group of indicators using quantitative and qualitative research methods.

Keywords: territorial ethnic autonomy, comparative method, case studies, comparison options, indicators, index analysis, ranking

References:

1. Anderson L., Costa C. (2016) Survival of the Fittest: Explaining the Success of Ethnic Autonomy Arrangements. *Swiss Political Science Review* 22(4): 516–544.
2. Ghai Y. (2013) Introduction: Nature and Origins of Autonomy. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 1–31.
3. Schmidt U. (2008) *Language Loss and the Ethnic Identity of Minorities*. ECMI Issue Brief, 18. 15 p.
4. Shaykhtudinov R. (2010) Give Peace a Chance: Nonviolent Protest and the Creation of territorial autonomy arrangements. *Journal of Peace Research* 47(2): 179–191.
5. Wolff St. (2011) Managing Ethnic Conflict: The Merits and Perils of Territorial Accommodation. *Political Studies Review* 9(1): 26–41.
6. Woodman S., Ghai Y. (2013) *Comparative perspectives on institutional frameworks for autonomy*. In: *Practicing Self-Government: A Comparative Study of Autonomous Regions*. Cambridge University Press, pp. 449–486.

7. *Balansiruya prityazaniya: etnicheskiye regional'nyye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv* [Balancing Claims: Ethnic Regional Autonomy, State Integrity, and Ethnic Minority Rights] (2017) Ed. P. Panov. Moscow: Political encyclopedia, 231 p. (In Russian).
8. Mochalov A.N. (2017) Territorial'noye ustroystvo gosudarstva kak sposob upravleniya etnicheskim mnogoobraziyem (konstitutsionno-pravovoye regulirovaniye v stranakh BRIKS) [Territorial Structure of State as a Tool of Ethnic Diversity Management (Constitutional Law Regulation in the BRICS Countries)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics] 3: 154–173. (In Russian).
9. Panov P.V. (2016) Mir etnicheskikh regional'nykh avtonomiy: predstavleniye novoy bazy dannykh [The World of Ethnic Regional Autonomies: Introducing a New Database]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political science] 4: 66–93. (In Russian).